

Он вспомнил время, проведённое во Вратах Куньлунь, когда каждый день спокойно брал в руки метлу и подметал перед большими воротами. Утренние занятия во Вратах Куньлунь начинались с восходом солнца, так как старшие считали, что утренняя энергия Ян, кипящая в это время, может быть преобразована в мечовую энергию, поэтому утренние занятия были обязательными.

ЧАО Минь провёл там недолго, и для него Врата Куньлунь не имели особого значения. Хотя он и получил секретные техники одного из пиков, они не могли сравниться с мечовым смыслом, высеченным на камнях перед воротами.

По сути, кроме мечового захоронения за горой, во Вратах Куньлунь не было ничего, что могло бы вызвать его интерес. После долгого пребывания там у него осталось лишь одно чувство.

Врата Куньлунь — скучное место.

Настолько скучное, что при одном лишь упоминании этого имени ему хотелось зевать. Люди там были неинтересны, правила скучны, архитектурный стиль посредственен, а секретные техники не подходили ему, и не было ничего, что стоило бы подбирать.

Позже, в мечовом захоронении, он нашёл меч, который показался ему довольно красивым, и решил, что сможет использовать его для украшения комнаты. С этим мечом он без сожалений покинул Врата Куньлунь и больше никогда не возвращался, потому что это место не заслуживало того, чтобы о нём вспоминать.

— Лучше уничтожить скучные вещи, — произнёс ЧАО Минь сам себе, проводя рукой по рукаву и готовясь опрокинуть всю доску с камнями. Для него первая половина жизни была уже достаточно скучной, и он не хотел, чтобы в ситуациях, где у него был выбор, ему приходилось сталкиваться с таким же скучным барахлом.

Старик оставался безучастным, но в тот момент, когда рука ЧАО Миня оказалась над доской, два пальца его правой руки, только что поставившие фигуру, резко согнулись, словно железные крюки, беззвучно пытаясь схватить запястье ЧАО Миня.

ЧАО Минь не отступил, его рукав скользнул по воздуху, запястье естественно повернулось на пол-оборота, а пальцы странным образом сложились в цветок, излучая зловещий чёрно-золотой свет, и жёстко столкнулись с пальцами противника.

Контакт длился лишь мгновение, движения были настолько быстрыми, что даже тени не осталось.

— Давно не играл в хорошую партию, — улыбнулся старик, убирая пальцы обратно в коробку с камнями и беря белый камень. — Всю жизнь ждал партнёра, с которым можно было бы играть до заката луны и восхода солнца, иначе эта долгая ночь становится слишком скучной.

— К сожалению, я не люблю вэйци, — ответил Чао Минь, убирая руку и беря чёрный камень большим и указательным пальцами, как ребёнок, только начинающий учиться игре. Не глядя, он бросил камень на доску, встал и, развернувшись, вышел из беседки, его движения были быстрыми и чёткими, а поднятый им ветер погасил одинокий фонарь внутри.

Старик не стал его останавливать. Он опустил взгляд на доску, полуприкрыв глаза, на которых лежали морщины. Лишь когда Чао Минь исчез вдалеке на реке, он с сожалением вздохнул и вытер рукавом кровь, которую только что выплюнул.

— Состарился, — спокойно пошутил он над собой. — Мне следовало привести сюда сотню учеников и устроить засаду, чтобы избить его.

Но через некоторое время старик почувствовал облегчение, что не привёл столько людей, чтобы убить Чао Миня. Иначе, если бы столько людей увидели, как его избивали до крови, его старческое лицо потеряло бы всякое достоинство.

Жаль только Е Юя, этого юношу.

Поскольку попытка уничтожить Семя провалилась, последняя нить жизни Е Юя оборвалась. Даже если он сейчас может бегать и прыгать, это лишь благодаря силе Чао Миня.

Судя по прежнему характеру Е Юя, ему не нужно было, чтобы его убивали, он бы сам взорвался. Потому что, независимо от результата, этот некогда яркий юноша уже был обречён на смерть.

Чао Минь вернулся на лодку, шагая по лунному свету, его тень растянулась, словно окутав всё вокруг тьмой.

Он сжал губы, его лицо было наполнено злобой. Этот старый консерватор хотел убить его, но даже если его тело потеряло половину силы, один старик на закате жизни не смог бы его убить.

Идя, Чао Минь внезапно остановился, в груди закипела кровь. С трудом сдерживаясь, он проглотил кровь, которая поднялась к горлу.

Уничтожить Врата Куньлунь — значит вырезать всех, от верха до низа, справа налево, даже сторожевых собак повесить и изрезать на куски. Глаза Чао Миня налились кровью, на лбу выступили вены, его разум был полностью охвачен жестокими эмоциями, наполненными запахом крови.

Предвестник Демонического искажения: пока он не поглотит Семя, он не сможет избавиться от угрозы в любой момент впасть в демоническое состояние. Сила Золотого Лотоса в его теле изначально была чужеродной, и если бы не его собственная изначально сила в Семени,

которая должна была направлять и объединять её, эта чистая буддийская техника начала бы пожирать его разум.

Шатаясь, он почувствовал острую боль во всём теле, жилы набухли. Чао Минь глубоко вздохнул, но в конце концов не смог подавить это безумное стремление к Демоническому искажению.

Повинуясь инстинкту, он шатаясь вошёл в каюту, где его привлек очень заманчивый запах. Е Юй спокойно лежал на кровати, его лицо было румяным, словно от пьянства, поза юноши была правильной и покорной, голова слегка повернута, руки лежали по бокам тела.

Он не предвидел никакой опасности, был настолько хрупким, что одного прикосновения было достаточно, чтобы уничтожить его.

Чао Минь мрачно смотрел на него, словно на кусок вкусного жареного мяса. Он протянул палец, медленно проведя им по лицу юноши, сначала по глазам, затем вниз по переносице, и, наконец, остановился на его губах.

Зловещая усмешка скользнула по губам Чао Миня, его лицо исказилось в злобе, ледяной холод наполнил его глаза, лишив его юношеского лица какой-либо невинности.

Сначала он сломает ему конечности, затем будет вырывать жилы ногтями, эта боль заставит этого хрупкого человека кричать от боли. Чем больше он будет бояться, чем больше будет кричать, тем быстрее будет расти Семя.

Затем он вынет созревшее Семя и съест его.

Чао Минь уже решил, что больше не будет позволять Е Юю жить. Старый негодяй из Врат Куньлунь чуть не заставил его впасть в Демоническое искажение, чего раньше никогда бы не случилось, и всё это произошло из-за того, что он позволил этому бесполезному человеку жить, что стало его слабостью.

Жалость? У него никогда не было таких чувств.

Палец прижался к губам Е Юя, мягкое прикосновение не успокоило Чао Миня, а лишь усилило его ярость. Это была другая странная раздражительность, которую он объяснял последствиями недостатка силы. Протянув другую руку, он надавил на живот Е Юя, одного усилия было достаточно, чтобы вспороть его, эта боль заставила бы Е Юя проснуться и столкнуться с пытками.

Чао Минь только начал давить, ещё не совершив никаких реальных действий, как на спокойном лице Е Юя внезапно появилось выражение невыносимой боли.

Не в силах сдержаться, Чао Минь ослабил давление, словно боясь, что его палец случайно проткнёт кожу. Когда он осознал, что делает, он с недоумением посмотрел на свою руку.

Но Е Юй не почувствовал облегчения, когда рука отпустила его. Он скривился, стиснув зубы, и, хотя он не должен был так легко проснуться, начал метаться. Чао Минь, не раздумывая, схватил его за запястье, чтобы проверить его внутреннюю энергию.

В этот момент Е Юй содрогнулся, всё его тело задрожало, и он выплюнул кровь. Он стонал от боли, беспомощно пытаясь свернуться калачиком, чтобы избежать ужасной агонии.

Талисман клятвы сработал.

До срока оставалось несколько дней, возможно, Золотой Лотос, который он ввёл, активировал Талисман клятвы как предупреждение, и он сработал раньше времени.

Е Юй корчился от боли, кровь лилась из него, словно вода. Он ухватился за рукав Чао Миня, с трудом открыл глаза и едва разглядел мрачное лицо Чао Миня. У него не было времени анализировать, почему Чао Минь выглядел таким злым, он лишь инстинктивно попытался оттолкнуть его, боясь, что его кровь напугает несовершеннолетнего.

— Уй... уходи, — пробормотал Е Юй, согнувшись, и толкнул Чао Миня, с трудом сказав:

— Я... в порядке.

Чао Минь оставался безучастным, просто сидел на краю кровати, холодно наблюдая.

Чёрная энергия снова обвилась вокруг бровей Е Юя, это был результат утечки силы из Семени. Чем больше страдал носитель, тем быстрее росло Семя. Чао Минь думал, что эта сцена должна была радовать его, но в его сердце не было ни капли радости.

Е Юй уже не мог оттолкнуть человека рядом с ним, лишь дрожал, свернувшись в клубок, словно несчастный кот, пытающийся спрятаться. Его бледное лицо было покрыто выплюнутой кровью. Он плотно закрыл глаза, отчаянно пытаясь пережить эту невыносимую пытку.

<http://bllate.org/book/15304/1352590>